

А.П. Бородовский

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bronza@dus.nsc.ru*

ФАРН СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В СИБИРИ И ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ РОГА

Введение

В мировой культуре с глубокой древности рога имели сложное семантическое значение [Тресиддер, 1999, с. 305–307]. Они были знаками могущества, мужественности, плодovitости и верховной власти, атрибутом первобытных богов, служителей культа, шаманов, правителей, героев и воинов. Рог олицетворял боевой мужской дух и фаллическую силу, а также символизировал плодородие, процветание и мужскую плодovitость. Отчасти это было связано с естественно-природными особенностями жизнедеятельности рогатых животных. Вероятно, издавна было известно, что безрогое копытное животное имело, как правило, очень плохие шансы оставить после себя потомство.

Особым символом солнца являлись рога барана – атрибут образа Амона, верховного египетского бога. Именно такие изогнутые рога Александр Македонский после возведения его египетскими жрецами в сан Сына Амона взял в качестве символа своей власти. В Средней Азии в ахеменидскую эпоху бараньи рога и сама голова барана являлись фарном царствующего рода [Негматов, 1987, с. 52]. На севере Средней Азии у кочевых и полукочевых ираноязычных племен фарн в образе барана появился значительно раньше, чем у соседних оседлых сасанидов [Литвинский, 1968], – в эпоху раннего железа, во второй половине I тыс. до н.э. Превращение изображений животных в символы зороастрийских божеств произошло только в эллинистический период. При Шапуре II (309–379 гг. н.э.) образ барана (символ бога – фарна) приобрел каноническую форму

[Луконин, 1969, с. 95–97]. По мнению Н.Н. Негматова, изображение барана присутствовало не только в храме или дворцовом интерьере, он был неизменным спутником сака и сармата всюду – в быту и сражениях, в земной и загробной жизни. Почитание фарна было широко распространено от Центральной Азии до Северного Причерноморья [Кузьмина, 1976, с. 60]. На т.н. скифских бронзовых котлах, в ареал которых входят Фергана, Южный Урал, Поволжье, Крым, достаточно часто запечатлен козел или баран. Эти изображения на навершиях кинжалов, ножей, окончаниях гривен несли определенную магическую нагрузку. Возможно, они не только имели значение “охранителя и покровителя”, но и считались символами “обилия и плодородия”. Севернее этого ареала, в Приишимско-Прииртышской лесостепи, известны ритуальные каменные плиты с изображением головы барана, которые связывают с носителями саргатской культуры второй половины I тыс. до н.э. [Археологическое наследие..., 1995, с. 186, 190, рис. 41, 8]. На верхней Оби и Горном Алтае в скифское время изображения горного барана-архара получили очень широкое распространение. У индоевропейских народов горный козел теке являлся воплощением чистоты и был жертвенным животным [Йетмар, 1986, с. 227]. Фигуры козлов теке на некоторых бронзовых курительницах из Семиречья, датируемых второй половиной I тыс. до н.э., вполне могут интерпретироваться как “вестники”, идущие впереди основной жертвы. В практике скотоводства этот вид животных является лидером в стаде [Бородовский, 1986]. Поэтому деревянные имитации рогов горного козла теке вряд ли случай-

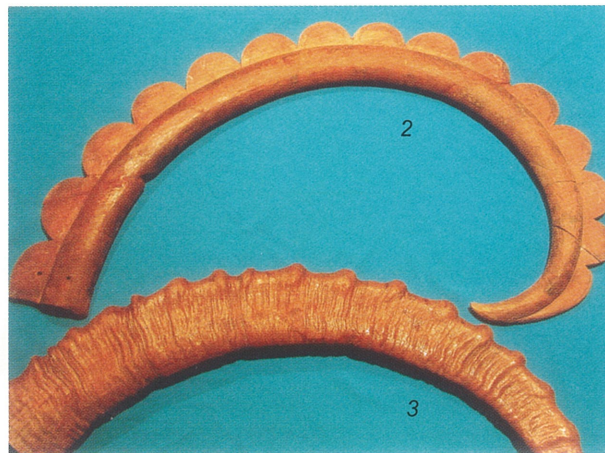

Рис. 1. Изображение поверхности фактуры рогового чехла горного барана (1), деревянная имитация рога горного козла теке (2), натуральный роговой чехол горного козла (3).
По материалам Берельского некрополя (раскопки З.С. Самашева).

но входили в состав убранства лошадей, сопровождающих погребения знатных кочевников в Туэжтинских, Башадарских [Руденко, 1960, с. 111, табл. XXXXVIII, LXX, LXXII] и Берельских курганах [Самашев и др., 2000, с. 30] (рис. 1, 2). Следует подчеркнуть, что лошади с этим убранством явно намеренно были размещены впереди остальных животных [Там же, с. 12–13]. Такие детали погребального сюжета отражены в петроглифах на среднем Енисее (Тепсей IV). На них козлиный рог показан непропорционально крупным [Ковтун, 2001, с. 166, табл. 114, 3].

Изображение рогов козлов и баранов в эпоху раннего железа

Территория южной части Западной Сибири отличается разнообразием ландшафтных и климатических зон, что, безусловно, является одним из благоприятных факторов для распространения и концентрации различных видов животных, дающих роговое сырье. С конца 50-х гг. прошлого столетия в археологической и биологической литературе предпринимаются попытки идентификации и районирования таких животных по изображениям рогов животных, запечатленных в сибирских петроглифах [Скалон, Хороших, 1958, с. 441–446; Биология..., 1986, с. 31, 34]. Исследователи по-разному оценивают возможности такого подхода. Так, Я.А. Шер подвергает сомнению достоверность наскального изображения животного, поскольку оно имеет искажения и деформации, характерные для определенного культурно-исторического периода и региона. Как счи-

тает исследователь, в документальном изображении специалист-зоолог установит видовые черты животного, но археолог их не увидит. Чем шире был ареал животного и образа в древнем искусстве, тем было больше расхождений между наскальными и документальными изображениями [Шер, 1980, с. 28].

Тем не менее, в начале 70-х гг. XX в. при реконструкции ареала сибирских горных козлов такой подход был успешно использован специалистами-зоологами на территории Горного Алтая [Собанский, Ешелкин, 1975, с. 12–15; Собанский, 1992, с. 202]. Эти исследователи исходили из того, что люди изображали животных либо непосредственно там, где те обитали, либо там, где на них охотились и было удобно “рисовать”. Таким образом по местонахождениям древних петроглифов они определяли территорию расселения животных. Высокая концентрация наскальных изображений горных козлов характерна для мест, где эти животные обитают и ныне. Это плато Укок, северные склоны Южно-Чуйского хребта, хребет Сайлюгем и урочища Бар-Бургазы, Бугузун на склонах хребта Чихачева. Современные ареалы сибирских горных козлов, как правило, совпадают с территориями размещения наскальных изображений этого животного [Собанский, 1992, с. 203, рис. 19]. По мнению Г.Г. Собанского, ок. II тыс. л.н. распространение горных козлов на Алтае, во-первых, было не сплошным, а “островным”; во-вторых, северная граница ареала этого вида животных не доходила до предгорий. Согласно этой реконструкции, в древности в бассейне Катунь горные козлы обитали почти до слияния рек Катунь и Чемала. Петроглифы с изображением горных козлов, обнаруженные

автором у с. Мыюта в среднем течении р. Семы (Мыюта-3) [Бюллетень..., 2004, с. 27], и роговая поясная пластина с аналогичными образами из могильника скифского времени Барангол-1 (нижняя Катунь) позволяют существенно уточнить северную границу ареала этих животных. На верхней Оби за пределами ареала этого животного его изображения широко распространены в металлопластике Новосибирского, Миловановского и Новотроицкого некрополей, датированных второй половиной I тыс. до н.э. (рис. 2, 3).

Аргали, судя по распространению ископаемых останков, еще в эпоху среднего палеолита обитали в Верхнем Приобье на широте современного г. Барнаула [Сопин, 1975, с. 273–274]. По петроглифам с их изображениями можно сделать вывод о распространении аргали в III–II тыс. до н.э. фактически на всей южной части Горного Алтая [Ешелкин, 1972, с. 76–77; Собанский, 1992, с. 224]. Не исключено, что в этот период территория обитания горного барана была значительно шире. Об этом косвенно свидетельствует изображение архара на датированном эпохой ранней бронзы каменном сосуде со сценой охоты с оз. Лаптевского (Угловский р-н Алтайского края) [Кирюшин, 2002, с. 59]. Рог животного на гравировке имеет два спиральных завитка, характерных для аргали, а не для горного козла.

В остеологических материалах с поселения доандроновской эпохи Кольванское-1 (Юго-Западный Алтай) представлены кости не только сибирского горного козла, но и аргали [Алехин, Гальченко, Демин, 1997, с. 139]. К эпохе раннего железа относятся изображения горного барана на резных предметах из курганов пазырыкской культуры Ак-Алаха-3 и Берель [Самашев и др., 2000, с. 34] (см. рис. 1, 1; 4; 5, 2–8).

Размеры и форма рогов горных баранов зависят от пола. У самок рога небольшие (длина 40–45 см, обхват у основания до 17 см), тонкие, слегка изогнутые, направленные вверх, назад и в стороны. Рога самцов более крупные: у старых особей в длину они могут составлять до 1,57 м, а обхват у основания до 55,5 см. Рога горных баранов разных территорий имеют свои особенности. Алтайский аргали, в отличие от закавказского и туркменского баранов, имеет очень крупные рога. Они закручены в спираль, ориентированы назад и вверх, затем вперед вниз и снова назад вверх. Иногда рога образуют до двух полных витков. Окончания рогов могут быть выгнуты вверх, наружу. Рога горных баранов составляют 8–10 % веса животного [Собанский, 1988, с. 149; 1992, с. 223–224; Кучин, 1991, с. 38]. Роговой чехол и стержень баранов преимущественно овальные в сечении. Внешняя поверхность рога имеет поперечный рельеф, однако у горных баранов он менее выражен, чем у горных козлов.

Рис. 2. Изображение рогов горного козла теке на золотом навершии из могильника Новотроицкий II (раскопки А.П. Уманского).

Фактура рога являлась самостоятельной темой в искусстве эпохи раннего железа. Манера изображения поверхности рога барана на Ближнем Востоке отличается особенностями. Фактура рога передавалась в виде поперечных полос, расчлененных на отдельные звенья [Погребова, Раевский, 1992, с. 139]. Оформленные таким образом рога с оловянной и золотой облицовкой имеются в декоре целого ряда деревянных украшений из Берельского некрополя (см. рис. 1, 1; 4) [Самашев и др., 2000, с. 34]. Очевидно, этот декоративный прием можно включить в перечень признаков, характеризующих прямые ближневосточные влияния на кочевое искусство Центральной Азии.

Для Южной Сибири эпохи раннего железа характерно несколько вариантов изображения горных баранов. Один из них – воспроизведение всего животного. Именно такой прием использован при нанесении татуировок на коже погребенных во Втором Пазырыкском кургане, Ак-Алахе-3 [Феномен..., 2000, рис. 197, а] (см. рис. 5, 6–8), при оформлении деревянных предметов резных псалиев из Пазырыка, Башадара (см. рис. 5, 6). Еще один вариант – изображение головы животного (см. рис. 5, 4, 5). Его ярким примером являются резные деревянные головы баранов из Берели (см. рис. 1, 1; 4; 5, 2).

Рис. 3. Изображение рогов горного козла теке на бронзовых пряжках из могильника Новотроицкий II (раскопки А.П. Уманского).

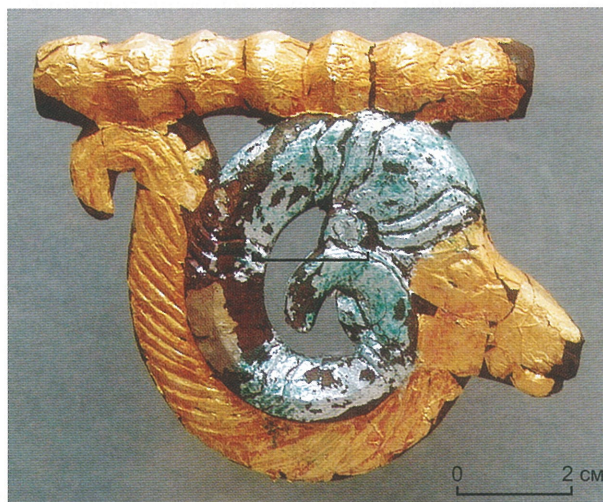

Рис. 4. Изображение горного барана аргали на резных украшениях из кург. 11 Берельского некрополя (раскопки З.С. Самашева).

На них детально воспроизведены завиток рога и шерсть на груди. Стилизованным воплощением этого образа является изображение только рога и шерсти на груди (см. рис. 5, 1), представленное на бронзовой бляхе из Обских Плесов II (ранее автор ошибочно полагал, что это изображение соответствует только образу грифона [Троицкая, Бородовский, 1994]). Такое заключение можно сделать, учитывая популярность мотива рога в кочевом и скифском искусстве.

К стилизованным изображениям эпохи ранних кочевников, по мнению С.И. Ванштейна, восходят мотивы роговидных орнаментов в традиционном искусстве скотоводов Евразии [1974, с. 68]. До недавнего времени такой декор был распространен у народов Приуралья, Средней Азии (киргизы, казахи), Саяно-Алтая (алтайцы, тувинцы). Одно из ве-

дущих мест в их традиционных узорах занимают головы и рога полорогих (бык, корова, козел, баран, горный баран) и цельнорогих (олень) животных. Даже когда этот мотив превращался в абстрактный рисунок, он осмысливался как рог определенного животного [Засецкая, 1986, с. 129, 131]. Это было характерно и для искусства раннего железного века. Именно в этот период в косторезном деле активно использовалось разное роговое сырье при изготовлении ритуальных изделий. Например, ритуальные роговые пазырьские сосуды сделаны из полого рога сарлыка, яка, сибирских горных козлов и баранов [Бородовский, 2000, с. 144–157]. Вряд ли случайно, что в эпоху раннего железа фантастических персонажей изображали с рогами разных видов копытных.

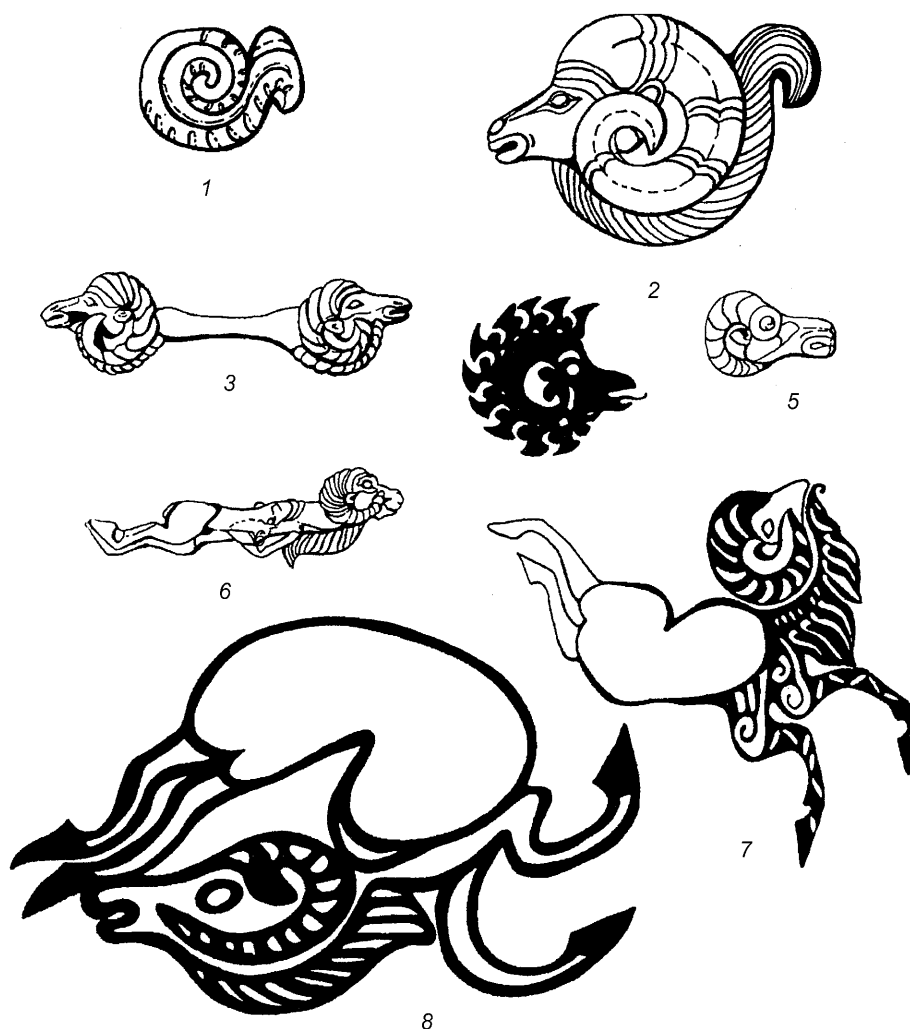

Рис. 5. Парциальные (1–5) и полные (6–8) изображения горного барана аргали в Южной Сибири.

1 – бронзовая бляха из Обских Плесов II; 2 – фрагмент деревянного украшения из Берельского некрополя; 3 – деревянный псалей из Второго Пазырыкского кургана; 4, 6 – предметы из дерева и войлока из Пазырыкских курганов; 5 – деревянное украшение из Второго Башадарского кургана; 7 – татуировка на теле мужчины из Второго Пазырыкского кургана; 8 – татуировка на теле женщины из Ак-Алахи-3.

1 – раскопки Ю.Ф. Кирюшина; 2 – З.С. Самашева; 3–7 – С.И. Руденко; 8 – Н.В. Полосьмак.

Заключение

Очевидно, что в скифское и гунно-сарматское время детализация строения и фактуры при изображении рога отражает не только стремление к реалистичному воссозданию образа, но и хорошее знакомство с роговым материалом, а также богатый опыт работы с ним, поскольку любая технология – это определенный способ и процесс обработки, а также совокупность знаний об особенностях природных свойств материалов [Кутта, 1970]. Именно поэтому для искусства эпохи раннего железного века характерна сложная система изображения рога. Она отражает: 1) рост рога; 2) его структуру; 3) региональное своеобразие рогового сырья; 4) видовые особенности рогового сырья и его сочетания, видовые

черты воспроизводятся даже у сложных фантастических образов; 5) самостоятельное значение рога как орнаментального элемента: а) целый рог, б) часть рога, в) фактура; 6) разнообразие и реалистичность изображения фактуры полого рога; 7) формирование орнаментально-символической системы изображения рога; 8) трехмерность пространства скифо-сибирского искусства [Бородовский, 1994] в изображении цельного рога.

В последующие эпохи сохранялись лишь отдельные элементы этого изобразительного комплекса. В период раннего железного века художественное искусство резного рога в культуре населения юга Западной Сибири достигает своего максимального расцвета. В ритуальной сфере рогу как материалу отводилось особое место. Из него изготавливали утварь (блюда,

сосуды, ложки) для сакральных действий, рукояти зеркал и музыкальные инструменты. В целом все это отражало сложные представления о роге населения эпохи палеометалла на юге Западной Сибири.

Список литературы

- Алехин Ю.П., Гальченко А.В., Демин И.А.** К вопросу о древнейшем скотоводстве Алтая (по материалам поселения Кольванское-1) // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та, 1997. – Вып. 2. – С. 138–142.
- Археологическое наследие** Тюменской области. – Новосибирск: Наука, 1995. – 239 с.
- Биология** и использование лося: Обзор исследований. – М.: Наука, 1986. – 160 с.
- Бородовский А.П.** Управление стадом мелкого рогатого скота во время выпаса (по материалам центрально-азиатских петроглифов) // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 67–73.
- Бородовский А.П.** Трехмерность пространства в одной из многофигурных композиций скифо-сибирского искусства // Методология и методика археологических реконструкций. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1994. – С. 83–90.
- Бородовский А.П.** Технология производства предметов из полого рога // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 144–157.
- Бюллетень** полевой археологической практики студентов исторического факультета / Сост. А.П. Бородовский. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2004. – № 4. – 48 с.
- Ванштейн С.И.** История народного искусства Тувы. – М.: Наука, 1974. – 250 с.
- Ешелкин И.И.** Изменение ареалов копытных животных в Юго-Восточном Алтае // Природа и природные ресурсы Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Кн. изд-во, 1972. – С. 76–77.
- Засецкая И.П.** Зооморфные мотивы в сарматских бляшках // Античная торевтика. – Л.: Искусство, 1986. – С. 128–134.
- Йетмар К.** Религия Гиндукуша. – М.: Наука, 1986. – 310 с.
- Кирюшин Ю.Ф.** Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2002. – 292 с.
- Ковтун И.В.** Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 184 с.
- Кузьмина Е.Е.** Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 52–65.
- Кутта Ф.** Человек, труд, техника. – М.: Наука, 1970. – 150 с.
- Кучин А.П.** Редкие животные Алтая. – Новосибирск: Наука, 1991. – 210 с.
- Литвинский Б.А.** Кангюйско-сарматский фарн. – Душанбе: Илим, 1968. – С. 90.
- Луконин В.Г.** Культура сасанидского Ирана. – М.: Наука, 1969. – 298 с.
- Молодин В.И.** Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия. – Новосибирск: Инфолио-пресс, 2000. – 190 с.
- Негматов Н.Н.** Бронзовые скульптуры из Исфаринской долины и их историко-культурное значение // Скифо-сибирский мир. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 49–55.
- Погрехова М.Н., Раевский Д.С.** Ранние скифы и Древний Восток. – М.: Вост. лит., 1992. – 198 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Наука, 1960. – 400 с.
- Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунга-тай С.** Берел. – Алматы: Илим, 2000. – 56 с.
- Скалон В.Н., Хороших П.П.** Домашние лоси на наскальных рисунках Сибири // Зоол. журн. – 1958. – Т. 37, вып. 3. – С. 441–446.
- Собанский Г.Г.** Копытные Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1988. – 182 с.
- Собанский Г.Г.** Копытные Горного Алтая. – 2-е изд. – Новосибирск: Наука, 1992. – 256 с.
- Собанский Г.Г., Ешелкин И.И.** Сибирский горный козел на Алтае // Охота и охотничье хозяйство. – 1975. – № 4. – С. 12–15.
- Соппин Л.В.** Охрана аргали Южной Сибири // Копытные фауны СССР. – М.: Наука, 1975. – С. 273–274.
- Тресиддер Д.** Словарь символов. – М.: Астель, 1999. – 455 с.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.** Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
- Феномен** алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 318 с.

Материал поступил в редколлегию 16.10.04 г.